

ОЛЕГ РОЙ

ПРОКОВНИК И ДАНИИ

ЕГО БОЯЛСЯ ГИТЛЕР.
О НЕМ ПИСАЛ ХЕМИНГУЭЙ.
ЗА НИМ ОХОТИЛИСЬ ФИННЫ.
НО ЕГО ИМЯ – ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТАЙНА.

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р65

Рой, Олег.

Р65 Полковник Ксанти / Олег Рой. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Щит и меч Отчизны. Рассекреченные дела ГРУ).

ISBN 978-5-04-249135-1

Испания, 1936 год.

Гражданская война раскалывает страну, Мадрид под огнем, а в тылу франкистов действует человек, о котором начинают шептаться как о призраке. Под именем полковника Ксанти и в должности военного советника республиканцев неизвестный герой создает отряды герильерос — дерзких диверсантов, наносящих удары там, где враг чувствует себя в полной безопасности.

Ночные рейды, взорванные мосты, уничтоженные аэродромы, засады на дорогах... Таинственный спаситель становится для простых людей живой легендой, обросшей самыми невероятными слухами. Испанские фашисты приписывают ему магическую силу и дьявольскую смелость, но за каждой легендой стоит точный расчет, железная воля и готовность бороться до конца.

Имя этого человека — Хаджи Мамсуров, советский офицер, диверсант и разведчик, одна из самых ярких и драматичных фигур советской военной истории.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-249135-1

© Рой О., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

Здесь не будет предупреждений о том, что все события и персонажи вымышленные, а совпадения с реальностью случайны. Потому что сюжет, перед которым блекнут фантазии самых изощренных сценаристов, — это невероятная жизнь невероятного человека.

Здесь все — взаправду: и люди, и события.

Автор

1910, сентябрь

Жандармов, не считая кучера повозки, прибыло трое. Один — похоже, главный — молодой, очень красивый, с тоненькими, как нарисованными усиками, в седле держался как влитой, хотя конь его, гладкий и тонконогий, не желал стоять на месте, пританцовывал, прядал ушами и всхрапывал, вскидывая точеную голову. Словно не терпелось ему в галоп! Вот бы Хаджи такого! Он бы не хуже этого красавца управился.

Еще двое в седлах — один седоватый, другой, помоложе, рыжеватопегий — сидели грузно, мешковато, и синие мундиры смотрелись будто пыльными. И кони под ними были похуже. Сильно похуже: мохластый соловый меринок, довольно пожилой, как и его уже седоватый всадник, второй, под пегим, вовсе

неопределенной масти и сам такой же мешковатый, как его жандарм.

Спешились подручные, однако, довольно ловко.

Но Хаджи уже не глядел. Проскользнул за углом дома в амбар:

— Дядь Саханджери, там... синие!

От задней стены амбара тянулась узкая, почти невидимая тропка — да что горцу те тропки, родные ж места! Миг — и нет тебя, горы укроют.

Дядя, оглянувшись туда, где одна из досок отодвигалась — гвоздь вылетел, а починить руки все не доходили, пролезть можно, — замешкался, словно колебался:

— А вы как? Обозлятся, могут и дом спалить...

Дверь гроыхнула, в светлом проеме обрисовалась стройная фигура. Тот, красавец.

— Так-так-так. Кто это у нас тут? А это у нас тот самый бунтовщик... — красавец, усмехаясь, похлопывал стеком по блестящему голенищу. — Вяжите, — распорядился почти лениво, только посторонился чуть, пропуская в амбар подручных.

Те бросились на Саханджери с боков, обхватили, повалили — тот пытался отбиваться, да где там! Скрутили, вытащили, бросили в повозку, на козлах которой дремал унылый кучер. Вжавшегося в угол Хаджи не заметили.

В доме — как в любом горском доме — оружие имелось, конечно. Кинжалы, сабли, два ружья, даже пистолеты. Но то в доме...

Вилы, что стояли в углу, тоже при сноровке могли стать оружием. Вот только Хаджи с ними никак

невозможно управиться — росту не хватит. Вот если бы ему было не семь, а хотя бы двенадцать!

Однако в углу прятались не только вилы...

Кинжал Хаджи нашел в горах. Бог весть, как погиб его прежний хозяин. А может, и не погиб, а, укрываясь от обвала или лавины, выронил клинок — и не нашел уже в сомкнувшейся трещине. Горы взяли свою дань. А потом камни, хранившие добычу, сдвинулись, показывая кинжал солнечному свету, вот Хаджи и заметил.

Оглядел все вокруг. Если бы от прежнего владельца кинжала осталось хоть что-то, он похоронил бы останки — как иначе. И клинок тоже похоронил бы вместе с хозяином.

Но ничего не нашел, нечего было хоронить. Только кинжал и прятался между кривыми каменными обломками. Мог ли Хаджи его не взять? Отчистил старательно, бережно выправил лезвие, завернул в кусок кошмы, припрятал в амбаре, в самом углу. Иногда открывал свое сокровище, любовался, примеривался даже...

Сейчас стиснул потертую рукоять, собираясь с силами... Там, в доме, остались женщины — две сестренки, мать...

На крыльце появилась тетка Амина — не чинно, как подобает горской женщине, почти бегом, за ней — мать.

— Отпустите! — два голоса слились в один.

Обе женщины, рыдая, кинулись к повозке — но жандармы-подручные не подпустили. Оттолкнули так резко, что Амина упала, пегий саданул

пыльным сапогом — она свернулась в комок, крик пресекался... Мать упала возле сестры на колени, пегий и ее ударил...

Хаджи вылетел из амбара, в мгновение ока оказавшись возле повозки, встал твердо, заслоняя мать и тетку. Спинай чувствовал за собой дом, где таились две сестренки. Плачут, наверное...

Старый кинжал — слишком большой для него, от ладони до плеча, тяжелый — в тонкой мальчишеской руке не дрожал. Хаджи уже занес клинок — рассечь путы, стягивавшие дядины руки и ноги...

Пегий, мерзко ослабившись, выхватил шашку, взмахнул — показалось, что очень медленно...

...в голове словно взорвалось что-то — белая вспышка залила все ослепительным, невыносимым светом...

1918, июнь

— Племянник, говоришь? Лет-то ему сколько?

Зачем Саханджери привел племянника к этому вот? Загар делал мужчину похожим на горца, но выгоревшие чуть не до белизны волосы и непривычно светлые глаза были совсем чужие, нездешние. И кто он такой, чтобы окидывать Хаджи оценивающим взглядом?

Но, покосившись на дядю, юноша только глазами сверкнул, смолчал — не его спросили. Неприлично вступать, когда взрослые разговаривают. Но ведь он теперь тоже — взрослый? У него и папаха есть, только летом в ней жарко, поэтому Хаджи, как по-

лагается, носит войлочную шапку — чужаки думают, в ней тоже жарко, а на самом деле ничего подобного. И от солнца защищает, и от дождя. И воды в нее можно набрать, войлок плотный, не промокнет. Даже спешиваться для этого не обязательно. Хаджи умел, наклонившись из седла, зачерпнуть из самого мелкого ручья. А этот беловолосый, которому кажется, что Хаджи — еще ребенок, он так сумеет? Да что он вообще знает про горы?

Дядя же, потрепав его по плечу, усмехнулся беловолосому:

— Пятнадцать ему... почти, — и добавил без улыбки: — Семь было, когда за мной жандармы пришли, так он им противостоять пытался. С кинжалом чуть не в половину своего роста. Ну один его шашкой и приголубил. К счастью, плашмя, но несколько суток мальчишка без сознания пролежал. Мать тогда поседела, у нее и так из двенадцати трое выжили. Так что сейчас он уже не мальчишка. Взрослый воин. Стреляет, шашкой работать умеет, кинжалом, любого коня покорит...

Беловолосый зачем-то сунул большие пальцы под ремень и провел ладонями, словно убирая назад складки гимнастерки. И не было там никаких складок, рубаха и без того сидела ладно, привычно. И глаза смотрели, хоть и оценивающе, но не свысока, почти уважительно:

— То понятно, — кивнул, — тут у вас с лошадьми и кинжалами чуть не младенцы управляют. Да и не привел бы ты недостойного. Извини, Сокол, коли что не так, не в обиду я спросил. Что смотрится маль-

чишкой, оно, может, и хорошо. Места-то здешние тебе ведь знакомы? — теперь он взглянул прямо на Хаджи.

Глаза — странно круглые, очень светлые, как ледок на овечьей поилке ранним предзимним утром — встретились с темными, почти черными. Нет, подумал Хаджи, не свысока смотрит. Тот давнишний красавец-жандарм на сказочных статей жеребце — да, тот чуть ли не щурился свысока — надменно, высокомерно, пренебрежительно. Этот же глядит в упор, как на равного. Без вызова глядит — спросил и ждет ответа.

Какого?

И Хаджи просто кивнул: да, мол, знакомы. Не хвастаться же, недостойно это мужчины.

— Нам бы к Пустому ручью незаметно подобрать-ся... Знаешь, где это?

Вот сразу ясно — чужак этот беловолосый. Пустой ручей ему нужен, видите ли.

— Он длинный, — равнодушно сообщил Хаджи.

Однако беловолосый и не подумал устыдиться. Хотя спросил-то глупость. Вроде как «знаешь ли, где Козье ущелье». А вдоль того ущелья часа полтора идти надо. А вдоль Пустого ручья и того дольше, он теперь и не ручей вовсе, потому и зовется Пустым, не везде и поймешь, где он, этот ручей. Ну и прой-дешь не везде.

То есть Хаджи-то пройдет, но он везде пройдет.

Чужак же кивнул едва заметно — словно не выставил только что себя неопытным новичком, а наоборот, сам что-то проверял.

Непонятно.

И дяде Саханджери промах беловолосого промахом вовсе не показался. Смотрел на племянника тоже непонятно, тоже вроде испытывал. И доволен результатом.

Беловолосый же уточнил:

— А Пустой родник? — словно первый вопрос был вовсе не ошибкой чужака.

Когда родник был еще не Пустым, там и ручей был, и овец пасли. Но очередной обвал убил и родник, и ручей, когда Хаджи еще не родился. Только хижина пастушья и осталась, каменная, но никому не нужная, разве что путнику, которого застигла в горах непогода, пригодится.

Неподалеку от прежнего родника вода пробилась себе путь, но молодой источник был слаб, не чета прежнему. И травы не стало, даже коз не накормишь, не то что овец. И тропы, ведущие туда, исчезли...

Для недобрых людей — подходящее укрытие. Хаджи и сам не знал, почему вдруг подумал про недобрых людей.

— Люди туда пройдут? — в голосе беловолосого послышалось легкое нетерпение. — Двое, трое, пятеро — сколько?

Дорога, и даже вполне удобная, и конному пройти — имелась. Не прямо к Пустому роднику подходила, но — близко. Если обогнуть — понизу обогнуть, — есть немаленький кусок гряды, близ вершин которой пряталась та хижина. День потратить придется, а то и два.

Если беловолосому нужно туда людей провести, значит, в хижине действительно укрываются те са-

мые недобрые люди. Не пешие же они. И, значит, точно добираются до места по той дороге, что в объезд. И, значит, по ней ехать нельзя, не потому что долго, а — заметят.

Чтоб сложить все «значит» воедино, понадобился миг. Ну, может, два-три, не больше. Только желторотые несмышлениши торопятся с ответом. А Хаджи — взрослый, цену словам знает.

— Проведу. Десять проведу. Больше — не знаю.

— Восемь бойцов да я с ними.

Теперь юноша только кивнул.

— Проведет, — подтвердил Саханджери. — Он горы наизусть знает, лучше меня.

— Что ж, — беловолосый кивнул. — Звать меня, если дядя тебе не сказал, товарищ Левашов. Когда-то Филином кликали. Когда сам Саханджери Соколом звался.

Даже не оглянувшись, позвал негромко:

— Лебедь! — и вдруг улыбнулся: — Лебедь — это фамилия, такой вот у нас тут птичник образовался.

Он засмеялся, но Хаджи совпадение — Филин, Сокол и Лебедь — смешным не показалось. Может, потому, что не до шуток ему сейчас было. Сперва — стычка с отцом, от которой внутри до сих пор что-то больно саднило и вздрагивало: близки они никогда не были, но он же — отец! И Хаджи у него — единственный сын, остальные — девчонки. А он вот пошел против отцовского слова.

Потом здесь: возьмут — не возьмут? Пусть дядя Саханджери сразу не велел сомневаться, Хаджи чувствовал себя скверно. Хотя виду старался не показывать.

Теперь, наверное, следовало уже и успокоиться — но что, если это еще не все? Если происходящее — еще одна проверка?

Какие уж тут шутки. Лебедь так Лебедь, да хоть бы и Гусь — все равно смеяться не над чем.

Парень, сидевший неподалеку, привалившись к низкой каменной ограде, после оклика вскочил резво. Невысоким оказался, но крепким. Почти квадратный, из него одного двое таких, как Хаджи, вышли бы. Стрижен коротко-коротко, отчего голова казалась совсем круглой. И глаза круглые. И щеки. Вот кому прозвище Филин подошло бы в точности. А он — Лебедь. Вскочил — и в два прыжка оказался рядом:

— Тут я, товарищ Левашов! — на командира он глядел с нескрываемым почтением, с явной готовностью «бежать и исполнять».

— Вот тебе новобранец, зовут Хаджи Мамсуров, отведи в конюшню, пусть выберет себе лошадь, ну и после все, что положено... — распорядился Левашов. — Да пригляди, чтоб клячу не подсунули, а то Гуриев вечно жадничает, как будто на черный день бережет...

— Такому подсунешь, — хмыкнул Лебедь, оглядывая Хаджи.

Такому... Глядя вслед двум, таким непохожим, фигурам, Левашов погладил скальные обломки, из которых когда-то сложили изгородь. В родных-то его краях все больше частоколы да плетни, а тут и вот такие встречаются. Дом, где когда-то квартировал один из нижних жандармских чинов, а те-

перь — он, Левашов, — небольшой, словно в землю вросший, хотя тоже каменный, не саманный, а изгородь и вовсе солидная. Впрочем, немудрено: деревья тут не то чтоб вовсе не растут, но не столько, чтоб тратить на заборы. Камень же — вот он, везде.

И люди, как из камня вытесанные.

Саханджери вон сколько били и ломали — а он не сломался, и до революции дожил, и власть советскую теперь защищает, как не каждый профессиональный вояка сумеет. И племянника, похоже, достойного воспитал...

— Может, ты бы его к себе в отряд лучше взял?

Тот, кого когда-то звали Соколом, только головой покачал:

— Сам знаешь, у меня больше стычки прямые, рубка, да и люди у меня все здешние. Почти все. Горы нам не чужие. А тебе проводник нужен. Да и большой уже парень, чего ему под моим крылышком прятаться.

— Тоже верно, — кивнул Левашов. — А парень, видно, хороший. Горячий, а держать себя умеет, как не все тридцатилетние могут...

— Ты специально его про Пустой ручей спросил? — Саханджери чуть прищурился.

— А ты как думал? — ответил Левашов с коротким смешком. — Третьего дня приходил один проводником проситься. Да я, говорит, да везде пройду, да к Пустому ручью — пожалуйста! А твой мало того что действительно знает, но только глазами сверкнул — а ведь наверняка хотелось меня осадить: мол,

ты тут чужак и ничего не понимаешь, глупость ляпнул... А он ответил ровно по делу.

— Говорю же — взрослый уже.

— Ну да, — согласился Левашов. — Думает, прежде чем сказать, надеюсь, что и прежде, чем сделать, тоже подумает. Остальному научится. Так что не переживай, Сокол.

Левая бровь Саханджери взлетела, словно удивился он словам Левашова:

— Да я-то не переживаю, с чего бы? Вот сам он переживал — как же пешему-то.

— Вроде у вас тут даже у десятилетних пацанов свой конь имеется. Или совсем уж бедная семья?

— Семья небогатая, это верно. Как принялись нас в долины переселять — это еще до моего рождения было, — многие старые рода обеднели. Только и звания, что алдары... Но не настолько Мамсуровы бедны, чтоб парень вовсе безлошадный был. Да только, видишь... с отцом его... сложно. Он такой... хозяйственный. Как можно коня куда-то отдать? И то сказать, семью кормить надо, а все прочее побоку. Так что про коня для Хаджи я и не заикался, только поссорились бы лишний раз.

— Ничего, по лошадям у нас пока недостатка нет, — Левашов улыбнулся. — Сколько-то от жандармов осталось, ну и когда с бандюками схлестываемся, стараемся коней поберечь. Да и сам знаешь, пристрелить-зарубить всадника проще, чем его лошадь. Потом ловим... Как он сына-то отпустил? Отец то есть?

Саханджери только плечами пожал, едва заметно поморщившись: явно не желал обсуждать лишние